

Оглавление

Глава 1. Камера	5
Глава 2. Камень	14
Глава 3. Задание	26
Глава 4. Ключ.	41
Глава 5. Лишний груз	53
Глава 6. Переломный момент	66
Глава 7. Спичка	87
Глава 8. Три плюс два	98
Глава 9. Консервные банки	109
Глава 10. Знакомое лицо	120
Глава 11. Шаман	131
Глава 12. Выздоровление	145
Глава 13. Важные дни.	158
Глава 14. В гостях	176
Глава 15. Вепрь	188
Глава 16. Пленник.	205
Глава 17. Переговоры.	219
Глава 18. Альтернатива	229
Глава 19. Побег	242
Глава 20. Просьба	255
Глава 21. Черная метка	267
Глава 22. Возвращение.	279
Глава 23. Противостояние	291
Глава 24. Клан	302
Глава 25. Призраки истины	315

Глава 1

КАМЕРА

Эта камера повидала многое. Своим встроенным объективом она наблюдала Зону снаружи, в образе далекой стены на фоне грозовых туч, за границами которой затаилась неизвестность. Видела изнутри — в обманчивой форме покрытых серой чешуей деревьев, постоянного тумана и струящейся над землей коварной дымки. В своей внешней памяти на шестнадцать гигабайт камера содержала однообразные будни угрюмых людей в ватниках и потрепанной форме — где армейской, а где стилизованной под военную. Камера прожила долгую жизнь по меркам любой техники, не предназначенной для Зоны: успела запечатлеть пару десятков артефактов и дюжину природных аномалий, три из которых на видео так и не проявились. Помнила она также несколько ранений и одну смерть.

Теперь камера безучастно смотрела надвигающиеся впереди нее спины носильщиков, скрытые массивными, раздувшимися рюкзаками. Картинка дергалась: держащий ее человек шел вместе со всеми и снимал на ходу.

— Антоха, дай пять! — крикнул Опер, стараясь держать камеру ровно. Когда-то он неплохо разбирался в том, как снимать по-человечески, но в Зоне быстро забываются все навыки, кроме постоянно используемых. Так что теперь Опер помнил лишь о том, что объект лучше держать в центре кадра — больше его товарищам во время просмотра ничего не было нужно. Собственно, его и Опером прозвали, так как был оператором, пусть и самоучкой. О том, что камера ему же и принадлежала, все быстро за-

были, включая его самого. В «Набате» практически не существовало такого понятия, как личные шмотки.

— Отвали, — буркнул Антоха и тут же вляпался сапогом в мокрую глинистую почву. Кляня болото на чем свет стоит, он все же не забыл на всякий случай отойти в сторону, так как умудрился забрызгать грязью охранника каравана. Охранника звали Мивина. Поговаривали, что люди, которые спрашивали его о происхождении клички, после этого долго собирали зубы по одному. Опер в это не особо верил. В конце концов, если погоняло не устраивает, его всегда можно изменить. В «Набате» с этим бы проблем не было.

Помимо Мивины, охранником каравана поставили Самопала. Опер лишь поморщился, глянув на него, и отвел камеру, чтобы Самопал ненароком не угодил в кадр. Нечего было портить фильм случайно попавшим в него молчаливым придурком. Никто не любил Самопала и не скрывал этого. Видимо, его потому и поставили в охранку, чтобы не маячил перед глазами на базе. Отдохнуть от него, хоть до вечера...

Самое забавное, что ничего явно бесящего в Самопале не было. Никто не обвинил бы его в воровстве, витеватости. Этот вечно хмурый парень с волосами чуть ниже плеч никому не мешал и не помогал, он просто жил, ходил со всеми в рейды по дремучим местам Зоны, если это от него требовалось, жевал тушенку у общего обеденного камня, если некуда было уйти. Словом, он не чурался общества — но только тогда, когда не было выбора. Самопал не пренебрегал возможностью уединиться, хотя замкнутым не был. Он был просто серым парнем, который мог абстрагироваться от остальных. Стоило ему отойти на пять метров в сторону или помолчать хотя бы пять минут, как все о нем тут же забывали. А когда снова замечали, то с досадой от-

ворачивались. Самопал всех бесил, и никто не мог сказать почему. В «Набате» нельзя было явно пренебрегать желанием других потусоваться вместе и о чем-то перетереть — но Самопал именно тем и парил, что умел делать это неявно.

Кроме того, Опер не любил охранников. Ну какая может быть охрана в Зоне, если ты не вип? Тут все были едины — во всяком случае, «набатовцы». У всех здесь равные права, обязанности и ограничения. Жизнь в клане обычно непритворная. Выйти на промысел, вернуться с пустыми руками, обсудить, как заморочить головы воякам, — вот и весь быт. Иногда, конечно, удавалось найти артефакт. Опер обожал эти диковины. Побаивался, но любил. Как хорошо, что Грач распорядился не сдавать артефакты сразу по факту их добычи, предпочтя вместо этого их накапливать и отдавать по две-три штуки, когда оттягивать дальше становилось уже совсем невежливо. Все равно «набатовцам» никто не ставил четких сроков, как и задач. Знай себе ищи всякую дребедень, желательно со странностями, да сдавай на Барьер. Взамен получишь харчи и неприкосновенность. Вот Грач и решил, что находить можно много, а делать вид, что мало. Можно сказать, не врал — в клане случалось, что новые артефакты не находили целый месяц. Грач открыто ссылался на Зону с ее непредсказуемостью, но Опер понимал, что тут все гораздо прозаичнее. Артефакты ищет не только «Набат». Кто-то еще здесь промышляет. И самое хреновое, что успешно, раз этот кто-то может своими находками торговать на тех же условиях, если не на лучших.

«А ведь этим нас могут и развалить», — почти в панике подумал Опер, засняв крупным планом неоновое свечение из рюкзака Антохи. В самом деле — что будет, если вояки задумаются, стоит ли спонсировать целую контору сталкеров, вздумавших работать организованно, когда кругом

полно самостоятельных охотников, более гибких в переговорах? Выживет ли тогда клан?

Конечно, выживет. Военным не нужны конфликты в Зоне. А они неизбежно появятся, если населять ново-чернобыльскую территорию будут озлобленные шакалы в человеческом обличье. Эти, случалось, и оружие носили. Опер усмехнулся, покачав головой. Ну зачем оружие в Зоне? От кого?

Хотя, конечно, временами постреливать приходилось. В этих краях то и дело попадалась разная нечисть. Да еще и такая, что в лесу встретишь — грибы отдашь. Какие-то прямоходящие лысые гуманоиды, дикие до невозможности. То ли бывшие люди, то ли будущие животные, сразу и не разберешь. Одним словом, мутанты. Ботаники объясняли, что именно мутанты, так как не могут иметь потомства, а значит, не имеют собственной природной ниши. Или наоборот. Опер никогда не вникал в такие подробности — уж очень сильно его передергивало при мысли о встрече с кем-то из монстров. Говорить с ними было бесполезно, орать тоже. Те не понимали никакого языка, кроме свинцового.

То же касалось и более простых тварюг, наподобие тех же псов да кабанов, которых с момента новой катастрофы развелось сверх всяких терпимостей. Но на клан они не нападали — уже хлеб. А вот акробаты в противогазах Опера выбеживали не на шутку. Прыгуны. Кто они и что они могут дать миру? Риторические вопросы. Прыгающие психи, не похожие на людей, были, по всей видимости, сбрендившими остатками былой военной мощи, направленной три года назад исследовать взрыв на ЧАЭС.

Вспомнив про многострадальный энергоблок, Опер лишь печально вздохнул. Вот история атомной станции его в самом деле тревожила, задевала некие безнадежно расстроенные струны души, о которых сталкер ранее и не

подозревал. Тяжко ему было смотреть на то, что случилось с его родной страной. Развалили, сволочи, расшатали и снаружи, и изнутри. И все не угомонятся. Хрен вам, все равно выстоим!

Зону не победить стволами. Стрелять надо было раньше, выборочно и не задумываясь. Опер мог назвать с десятков имен, внесение которых в расстрельный список, по его мнению, помогло бы очистить мир от политической дряни. Он поделился своими мыслями с товарищами и с удивлением понял, что все его горячо поддерживают. Только вот списки у всех получились разные. Да и одно дело определиться и совсем другое — выполнить. Но это ничего не меняло. В Зоне часто говорили о доме, смотрели на остальной мир как бы из окна иллюминатора, приподнявшись над системами и структурами, освободившись от одних форм патриотизма и влившись в другие. Говорили, решали, спорили до хрипоты — и устало возвращались к повседневности, торопливо, словно испугавшись собственных мыслей. Как поговаривал Грач, «крюк замкнулся».

Многие не любили оружие. В Зоне на него смотрели как на вызов самому себе. Ощущение ребристой рукоятки в ладони было настолько горячим, что растапливало психологические барьеры, за которыми можно было прятать свою волю и строить из себя человека маленького, ни на что повлиять не способного. Оружие всех делило на сильных и мертвых. Далеко не каждый желал выяснять, к какой когорте он принадлежит.

Так что в Зоне никак нельзя без особого взгляда на вещи. Если носить оружие станет «Набат», то очень скоро им обвешается вся Зона. Как народ раздобудет себе стволы — дело десятое, вояки помогут. Важен сам прецедент, точнее, его недопустимость. Нельзя раздавать оружие там, где нет милиции. Капитальной милиции, объективно мощной, вы-

сокоморальной, неподкупной, сошедшей с экранов старых советских фильмов. В Зоне такую не создашь. Разве что самим в «мусора» идти. Однако Опер понимал, что в таком случае из него получится именно «мусор». Но никак не милиционер.

Нет, никакой огнестрельной мощи. Только навлечешь на себя неприятности.

Впрочем, у «Набата» тоже кое-что водилось. Например, старенькое, перекрученное проволокой ружьишко Грача, висящее на стене у его матраса. Валера Дровосек таскал с собой «Вепрь» — ух, мощная штука этот вятско-полянский карабин! Конечно, ему не удалось пронести ствол в Зону через основной вход. Договорился Валера с кем-то со стены, и бац — передали ему его же собственный ствол с первым же караваном, причем сам Дровосек в этот раз даже не состоял в отряде, а чистил картошку на базе. При мысли о картошке Опер жадно сглотнул, представив вкус пюре на молоке, с селедочкой и стопкой добра.

Сам Опер тоже был не лыком шит и носил на поясе травматик. Применял всего раз, еще до Зоны. Впрочем, именно из-за этого «всего раз» он в Зону и попал. Неприятная история вышла, и вспоминать о ней лишний раз не хотелось. И все же поговаривали, что такой пистоль в Зоне тоже может пользу принести. Саня Полох как приволок артефакт, так долго хвастался, что попросту выбил его из аномалии с помощью выстрела из травматика. Может, конечно, врал, но в этом смысла не было.

Собственным оружием в «Набате» делились редко. Как, например, на время походов к военным. Караван без охраны не пускали, хотя еще ни разу не было нападения. Может, именно потому и не было. Только охранников назначали без системы, по желанию. Им и вручали оружие. Ведь кто такой охранник и чем он отличается от купца?

Только тем, что ему не надо таскать тяжелый рюкзак. А в случае ахтунга защищаться придется всем на равных основаниях. Есть, конечно, еще психологический момент, фактор бодрости. Такой случается, если караван охраняют мужики, которым ты доверяешь. Но не в этот раз. Так кто такой, получается, охранник? Халявщик, только и всего. Сачок. В этот раз ими стали вот Мивина и Самопал.

Блин. Снова Самопал. Опер почувствовал, как его настроение начинает стремительно падать вниз. Чтобы отвлечься, он углубился в меню камеры, подстраивая время и дату. Неплохо бы разок запечатлеть для потомков, что и когда происходило. 11:47, 16 апреля. Тыча пальцами в сенсорный экран, Опер прокрутил следующие цифры до 2009. Теперь все верно.

— Так, мужики, все посмотрели в камеру, — велел Опер.

Тоже хороший человеческий фактор. Смотрят-то в камеру, а видят тебя. Соответственно, лица получаются такие, что сразу просекаешь, кто и как к тебе относится. Антоха похмурился немного, но в итоге таки заулыбался. Валера Дровосек сплюнул и положил «Вебрь» на плечо. Остальные приняли непринужденные позы. В общей сложности в кадр попали девять человек. Самопал не то что не повернулся, а даже не остановился, продолжая размеренно плестись вперед. Ну и хрен с ним.

— Снимем для истории, — возвестил Опер. — Клан «Набат» за здоровую Зону! Ура!

Указательный палец нажал на кнопку, добавив в память фотоснимок.

Затем случилось что-то непонятное.

Антоха резко запрокинул голову назад и свалился. На этот раз он действительно забрызгал Мивину грязью. И не только. Была еще и кровь. Дровосек перехватил карабин,

отскочил в сторону, трижды выстрелил куда-то вдаль. От громкого звука Опер отшатнулся, цепляясь за камеру, будто она могла его удержать. Под ноги попался булыжник; нагруженный рюкзаком сталкер не удержался и потерял равновесие. Упав на землю, Опер лихорадочно пополз прочь, продолжая снимать одной рукой. Это был даже не рефлекс. Просто сквозь экран камеры было не так страшно смотреть. А не смотреть он не мог.

Караван обстреливали с обеих сторон. Дыма было столько, что камера почти ничего не пробивала. Лишь смутные фигуры, дергающиеся, падающие...

Это кино. Просто кино в формате эйч-ди.

Сталкер ощутил, как что-то обжигающее почти пропороло его череп. Мрак окутал сознание Опера, заставив его выронить технику. Он прижался щекой к холодному камню, стараясь просто уйти в бессознание. Может, ему и удалось бы это. Но его выдернули из небытия, сорвав рюкзак с плеч. Забавно. В его багаже не было артефактов, только образцы корней необычных растений, найденных в дебрях. Вот так и сдохнешь за петрушку с укропом!

Долго лежать без сознания не пришлось. Издав стон, перешедший в кашель, Опер впился пальцами во что-то знакомое. Привычные очертания известного предмета сразу вернули его в реальный мир. Ну да, маленький штатив от камеры. Только кому понадобилось его откручивать и зачем?

Дым все еще стоял плотной стеной, не рассеиваясь. Из него вышел человек в противогазе. Опер отпрянул, заслонился штативом, словно мог им что-то сделать.

Человек стащил с себя противогаз и провел мокрой от крови рукой по лицу. Устало вздохнул.

Голова Опера заныла тупой болью. Только сейчас он начал чувствовать страх.

— Вот и все, — сказал Самопал, убирая налипшие на лоб волосы. — Сказка кончилась.

— Не надо, — прохрипел Опер, перебирая ногами в грязи, стараясь оттолкнуться, отодвинуться подальше. — Не убивай...

— Ты так ничего и не понял, — тяжело произнес Самопал. — Дурак ты, Опер. Безмозглый дурак, только и всего.

Сталкер почувствовал, как ему в руки суют его же камеру. От этого сталкер пришел в себя.

— Ты останешься в живых, — успокоил Самопал, глядя в глаза. — Вернись к своим и передай им запись. Скажи им, что мы их найдем. Всех до единого. И переждем.

Опер прикрыл глаза от накатившей слабости. Ему было настолько плохо, что в тот момент Опер намеревался наплевать и на караван, и на клан — лишь бы пережить эту бойню, отлежаться, обдумать, что сейчас произошло. Однако он все же нашел в себе силы выдавить:

— Кто это «мы»?

Самопал остановился, чуть повернул голову, подумал.

— «Лезвия», — ответил он. — Так и передай всем. «Набат» будет уничтожен «Лезвиями».

Опер даже не осознал, о каких лезвиях идет речь. Будь он в полном порядке, он поморщил бы лоб и вспомнил, что о подобной группировке не слышал ровным счетом ничего. В своем же теперешнем состоянии он не понял, что вообще означает это слово. Помнил лишь, что что-то плохое и грозное.

Прижимая к себе камеру, как лучшего друга, Опер кое-как встал на ноги и побрел прочь.

Тела товарищей остались лежать на местах в ожидании новых стервятников.